

4847813

20

ЛЕ Минь Нгок

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РУССКОГО
КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» (С ПОЗИЦИИ НОСИТЕЛЯ ВЬЕТНАМСКОЙ
КУЛЬТУРЫ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва · 2011

26 МАЙ 2011

Работа выполнена на кафедре русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

Научные руководители: доктор филологических наук, профессор
академик РАО
Костомаров Виталий Григорьевич

доктор филологических наук
Чинь Тхи Ким Нгок

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Бурвикова Наталия Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент
Русакова Ирина Борисовна

Ведущая организация: Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

Защита состоится «18» мая 2011 г. в «10» ч. в зале Ученого
совета на заседании диссертационного совета Д 212.047.01 Государственного
института русского языка им. А.С. Пушкина по адресу: 117485, Москва,
ул. Академика Волгина, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Гос. ИРЯ
им. А.С. Пушкина.

Автореферат разослан «18» апреля 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И. И. Бакланова

Современное языкознание характеризуется антропо-культурологической направленностью и большим вниманием к когнитивному аспекту языка. Внимание лингвистов привлекают проблема описания взаимосвязи языка и культуры, проблема реконструкции и сопоставления национальных картин мира как отражение менталитета народов.

Среди различных смежных дисциплин, изучающих вопросы взаимодействия языка, культуры и мышления, выделяется лингвокультурная концептология. В ее рамках проводится наше исследование, посвященное описанию и сопоставлению концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках.

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшей разработки проблемы взаимосвязи языка с сознанием человека и культурой, а также неразработанностью вопроса сопоставления этических концептов в русской и вьетнамской лингвокультурах, в том числе концепта «счастье».

В основу выполненного исследования положена следующая гипотеза: концепт «счастье» представляет собой одну из основных этических категорий, обладающую как универсальными, так и национально-специфическими особенностями. Сопоставление его реализации в русском и вьетнамском языках на материале разных блоков материалов поможет выявить данные особенности.

Объектом исследования является лингвокультурный концепт «счастье».

Предметом исследования является лингвистическая реализация концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках.

Целью исследования является воссоздание фрагментов картины мира русских и вьетнамцев, отражающих концепт «счастье».

Для достижения данной цели в ходе исследования ставились следующие задачи:

- определить теоретическую базу исследования;
- провести обзор научной литературы по проблеме «счастье»;

– описать содержание концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках на материале разных языковых блоков;

– выявить культурно-универсальные и национально-специфические особенности концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках.

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что впервые проводится сопоставление реализации концепта «счастье» в двух лингвокультурах – русской и вьетнамской. Применен комплексный подход к анализу концепта «счастье», включая диахронический анализ развития концепта и анализ ономастического материала как нового источника сведений о когнитивных компонентах исследуемого концепта.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшем совершенствовании положений лингвокультурной концептологии.

Практическая ценность работы состоит в том, что теоретические положения проведенного исследования и полученные результаты могут применяться при проведении подобных исследований на материале других языков. Результаты работы могут быть использованы при чтении лекций и спецкурсов по лексикологии русского и вьетнамского языков, в практике преподавания русского и вьетнамского языков на факультетах иностранных языков университетов, в лекционных курсах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, в создании статей в лингвострановедческих словарях.

Теоретическими основами нашего исследования являются идеи, заложенные в работах по лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.Е. Прохоров, Чинь Тхи Ким Нгок), когнитивной лингвистике (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.З. Демьянков), лингвокультурной концептологии (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), психолингвистике (А.А. Леонтьев, Н.В. Уфимцева, А.А. Залевская, В.В. Красных и др.).

Материалом исследования послужили словарные статьи из русских и вьетнамских толковых словарей, словарей синонимов и антонимов, этимологических словарей, словарей китаизмов вьетнамского языка; паремиологические единицы на русском и вьетнамском языках, содержащие имя концепта «счастье» (221 единица); данные русского ассоциативного словаря и результаты двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с вьетнамскими респондентами (234 человека); топонимы, содержащие имя концепта в двух языках (738 единиц).

Методология нашего исследования представляет собой комплекс методов, используемых в концептуальном анализе: компонентный анализ, интерпретативный метод, количественный подсчет результатов анализа и ассоциативный эксперимент.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В содержании русского и вьетнамского концепта «счастье» имеются как безэквивалентные, так и совпадающие когнитивные компоненты. По отношению к вьетнамскому концепту специфичными для русского концепта «счастье» являются когнитивные компоненты «взаимосвязь с умом», «родина». Безэквивалентными во вьетнамском концепте «счастье» являются когнитивные компоненты «преемственность поколений», «долголетие», «удовлетворение элементарных потребностей».

2. Культурно-специфичными являются не только безэквивалентные когнитивные компоненты в структуре концепта, но также значимость того или иного компонента в его содержании. Итак, когнитивные компоненты «удача» и «судьба» имеют большую значимость в русском концепте «счастье». Соответственно, когнитивный элемент «неконтролируемость» в русском концепте «счастье» ярче выражен, чем компонент «предопределенность» во вьетнамском концепте. Во вьетнамском концепте «счастье», в свою очередь, больше акцентируется когнитивный элемент «нравственность» (доброта, человечность), чем в русском.

3. При межкультурном сопоставлении концептов представляет интерес их изучение не только в статике, но и в динамике. Не только анализ структуры концепта, но и прослеживание истории ее развития может дать исследователям новые сопоставительные материалы.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Московского института русского языка им. А. С. Пушкина (март 2011 г.). По теме диссертации было опубликовано три статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются объект и предмет, цель и задачи, материал и методы, теоретическая значимость и практическая ценность работы, устанавливаются исходные теоретические позиции.

В **первой главе** описывается теоретическая основа диссертации. В **первой части первой главы** дается описание лингвокультурной концептологии как смежной дисциплины, в рамках которой проводится диссертационное исследование. Рассказывается об истории возникновения лингвокультурологии, дается сопоставление лингвокультурологии с другими научными дисциплинами, изучающими вопросы взаимосвязи языка и культуры, такими как этнолингвистика, лингвострановедение, социоллингвистика, этнопсихоллингвистика.

Лингвокультурология определяется нами как гуманитарная дисциплина интегративного характера, изучающая отражение в языке этнокультурных, культурно-универсальных и культурно-социологических особенностей народа.

В своем кратком обзоре И.Г. Олышанский выделяет четыре основных направления лингвокультурологии: фразеологическое (представленное школой В.Н. Телия), лексикографическое, лингводидактическое (заложенное Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым и получившее развитие у В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, Чинь Тхи Ким Нгок и др.) и логико-лингвистическое (концептологическое). Четвертое направление было заложено работами таких ученых, как Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова (проект «Логический анализ языка»), и позже было развито учеными волгоградской и воронежской лингвоконцептологических школ (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова и И.А. Стернин, С.Г. Воркачев и др.). Данное направление получило название «лингвокультурная концептология» и определяется как смежная дисциплина, исследующая триаду «язык – сознание – культура» и использующая в своих исследованиях достижения когнитивной лингвистики.

Во второй части первой главы предлагается определение и описание единицы исследования лингвокультурной концептологии – концепта. Термин «концепт», берущий начало в средневековой философии и математике, стал широко употребительным в российской лингвистике в последние десять – двадцать лет. В 90-е гг. прошлого века и начале 2000-х гг. в научной литературе было много материалов, посвященных определению нового термина. Существует много определений концепта, но они пересекаются в двух моментах: принадлежности концепта к ментальной сфере и наличия в нем культурной специфичности. Для лингвистов представляют интерес вербализируемые концепты, или лингвокультурные концепты. Исследователи выделяют в концепте три аспекта анализа – понятийный, образный и ценностный (В.И. Карасик). Из этого следует, что концепт шире, чем понятие. Анализ содержания концепта проводится на различных блоках языкового материала, репрезентирующего его. В ходе анализа концепта исследователь выделяет его когнитивные признаки, а потом классифицирует и упорядочивает их, чтобы построить модель концепта (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Методы исследования

концепта включают в себя методы семантического анализа, экспериментальные методы психолингвистики и метод когнитивной интерпретации.

Во второй главе дается описание концепта «счастье» – объекта исследования. Предлагается обзор научной литературы по проблеме счастья. Концепт «счастье», безусловно, является культурно-значимым, о чем говорит большое количество посвященных ему исследований в области философии, психологии, социологии, и в последнее время, – в лингвокультурологии.

В философии выделяется три основных концепции счастья – гедоническая, стоическая и эвдемоническая, элементы которых обнаруживаются во многих последующих этических и религиозных учениях мира (В.О. Татаркевич, С.Г. Воркачев).

В психологии проблема человеческого счастья получила особое рассмотрение в гуманистической психологии и позитивной психологии. В результате изучения состояния счастья, или состояния психологического благополучия, психологи приходят к заключению о том, что счастье имеет теснейшую связь с духовно-нравственными качествами его обладателей (Christopher Peterson, Martin E.P. Seligman). Это еще раз подтверждает этический аспект счастья, о котором говорили философы и богословы.

В социологии понятие счастья интерпретируется как социальное, экономическое и политическое благополучие, а также как состояние внутреннего благополучия членов общества.

В русскоязычной лингвистической литературе можно найти монографии, диссертации и научные статьи, посвященные русскому концепту «счастье» (В. И. Аннушкин, С.Г. Воркачев, О.М. Михайленко, И.Б. Русакова, Н.А. Сегал, В.В. Колесников, Г.И. Урбанович, А.Д. Шмелев и др.). В плане вьетнамского языка концепт «счастье» был упомянут в некоторых психолингвистических исследованиях, базирующихся на ассоциативном эксперименте (Нго Тиен Занг, Нгуен Тхи Хьонг). Однако к настоящему моменту еще не было проведено исследований, посвященных комплексному анализу данного концепта во

вьетнамской лингвокультуре, а также сопоставлению вьетнамского и русского вариантов концепта «счастье».

В третьей главе диссертации проводится сопоставление понятийной составляющей концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках. Стоит отметить, что в русском языке именем концепта «счастье» выступает лексема «счастье», а во вьетнамском языке существует два имени, или два «ключевых слова» для обозначения концепта «счастье» – «phúc» и «hạnh phúc».

В первой части третьей главы анализируется реализация концепта «счастье» в историческом слое картины мира русского и вьетнамского народов, отраженная в этимологии, паремиях и топонимах. Анализ этимологии русской лексемы «счастье» и вьетнамских лексем «hạnh phúc» и «phúc» показывает, что лексема «счастье» состоит из двух элементов, означающих «хорошую часть/долю». Отсюда возникло значение «судьба», «участь», «доля» у данной лексемы. Лексема «hạnh phúc» является китаизмом, состоящим из двух хан-вьет элементов: «hạnh» (удача) и «phúc» (большое благо, везение).

Сопоставительный анализ реализации концепта «счастье» в паремиях проводится на материале 181 пословицы, содержащей лексемы с корнем «счаст». Материалом для анализа на вьетнамском языке послужили пословицы и поговорки с лексемой «phúc». Количество найденных пословиц и поговорок, содержащих данную лексему, составляет 40 единиц. Источниками паремиологического материала послужил словарь В.И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» и вьетнамские словари и сборники пословиц и поговорок. Сравнение русских и вьетнамских пословиц и поговорок, содержащих лексемы с корнем «счаст» и «phúc», дает следующие результаты:

– среди русских пословиц и поговорок больше преобладает пассивное отношение к счастью. Счастье приходит к человеку по воле судьбы, по решению Бога: «Не в воле счастье, а в доле». Счастье – внешняя сила, бесполезно его искать и невозможно удержать: «Счастье в оглобли не впряжешь»; «Счастье вольная пташка: где захотела, там и села». Существует также противоположное

мнение: «Каждый кузнец своего счастья». Однако второе мнение является менее распространенным. Данная особенность русского концепта «счастье» была отмечена другими исследователями (Урбанович Г.И., 2005; Михайленко О.М., 2006).

– что касается вьетнамских пословиц и поговорок, в них очень часто находится идея о том, что путь к счастью лежит через доброту, добродетельность, нравственность человека. Распространенное понимание «*phúc*» как сущности, которую можно накапливать и передавать следующим поколениям, тем самым оказывая влияние на собственную судьбу или судьбу семьи и рода, приводит к преобладанию активного отношения вьетнамцев к данному концепту. Представители вьетнамской культуры верят в том, что они могут своими действиями повлиять на свое счастье, свою судьбу;

– в русском языке существует группа паремий, посвященных взаимосвязи счастья и ума. Подобных паремий во вьетнамском языке нет, что говорит о неактуальности ассоциации «счастье» – «ум» во вьетнамском народном сознании. Во вьетнамских пословицах и поговорках чаще всего наблюдается ассоциация «счастье» – «доброта, добродетельность»;

Описание реализации концепта «счастье» в народной «ванвной» картине мира проводится также на материале русских и вьетнамских **ономастических единиц**, содержащих его имя. Выбор топонимов объясняется тем, что они представляют собой старый пласт лексики и содержат в себе много культурно-исторических сведений о стране и мировоззрении народа.

Материалом для анализа послужили названия административных единиц и религиозных объектов (435 единиц, содержащих лексему «*phúc*» и его южный вариант «*phước*» на вьетнамском языке и 303 единицы, содержащих корни «счаст» или «благ/блаж»). Источником материалов на вьетнамском языке послужили данные Вьетнамского энциклопедического словаря, открытой энциклопедии Википедии, Словаря названий религиозных объектов и народных праздников Вьетнама; сайтов, посвященных буддизму во Вьетнаме. Материалы

на русском языке были взяты из базы кодов ОКАТО на сайте www.gosspravka.ru, где представлены все названия административно-территориальных единиц Российской Федерации, и названия с сайта проекта «Храмы России» – www.temple.ru.

Все варианты русских топонимов, содержащих корни «счаст» или «благ/блаж», являются производными от следующих лексем: «благо», «благой», «благать», «благосвет», «Благовещение», «благодарность», «благодать», «благонравный», «благополучие», «благородный», «благословить», «благодарный», «благущий», «блаженный», «счастливый». По нашему мнению, к топонимам, репрезентирующим концепт «счастье», можно относить не все перечисленные лексемы с корнем «благ/блаж», а только производные от следующих лексем: «благо», «благодать», «благополучие», «благословить», «блаженный» и «счастливый». Таким образом, из первоначальных 303 русских топонимов вы выявили лишь 83, представляющих концепт «счастье». Среди них самыми частотными являются топонимы, производные от лексемы «благодать» (54 единицы).

Можно предположить, что, выбирая лексему «благодать» как основу для топонима, жителям новых земель было важно подчеркнуть, что счастье, которое они хотели бы получить при проживании в данной местности, будет ниспослано Богом. В таком религиозном видении счастья отражается важное значение Православия в русском народном сознании. Выбор именно лексемы «благодать», а не «блаженство», которая тоже относится к религиозному дискурсу, в качестве производящего для топонимов может объясняться тем, что в семантике лексемы «благодать» присутствует значение «обилие материальных благ». Это говорит о том, что счастье в народном сознании – это не только духовное благополучие (блаженство, радость), но также достаток и материальное благополучие.

Анализ семантики топонимов с участием лексемы «*phũc/phũcũc*» показывает, что данные топонимы можно структурировать в разные семантические группы, каждая из которых выражает одну из особенностей, или когнитивных

признаков концепта «счастье» во вьетнамском языке. Итак, можно говорить о следующих когнитивных признаках концепта «phúc»:

– **Размер «phúc»:** сочетания лексемы «phúc» со словами, выражающими большой размер, в топонимах «Đại Phúc/ Phúc Đại» (большое счастье), «Hoàng Phúc» (большое счастье), «Hồng Phúc» (огромное счастье), «Quảng Phúc» (обширное счастье), «Thái Phúc/ Phúc Thái» (огромное счастье) выражают ассоциацию данного концепта с крупным объектом.

– **Состояние и свойства «phúc»:** в рассмотренных топонимах лексема «phúc/phước» сочетается с лексемами, обозначающими различные качества и состояния. Мы распределили их в следующие подгруппы:

+ **общее свойство «phúc»:** топонимы «Hạnh Phúc» (счастье), «Phúc Cát» (счастье и удача), «Phúc Nào» (хорошее счастье), «Phước Tướng» (счастливые и благоприятные вещи) представляют собой тавтологии и говорят о том, что «phúc» – это что-то хорошее, приносящее блага и удачу;

+ **освещенность «phúc»:** топонимы «Minh Phúc/ Phúc Minh» (светлое счастье) и «Phúc Quang/ Quang Phúc» (блестящее счастье) говорят об ассоциации «phúc» со светом, с чем-то светлым;

+ **внешний облик «phúc»:** топонимы «Phúc Mỹ/ Mỹ Phúc» (красивое счастье) выражают ассоциацию «phúc» с красотой;

+ **новизна «phúc»:** топонимы «Tân Phúc/ Phúc Tân» говорят о том, что «phúc» связывается с новизной и изменениями (к лучшему);

+ **чистота «phúc»:** топоним «Thanh Phúc» отражает ассоциацию «phúc» с чистотой;

+ **вкус «phúc»:** ассоциация «phúc» с неким сладким, приятным веществом выражается в топониме «Cam Phúc»;

+ **запах «phúc»:** «phúc» ассоциируют с ароматным веществом, что выражается в топониме «Hương Phúc» (благоухающее счастье);

– **Объем/ количество «phúc»:** топонимы, выражающие объем и количество «phúc», можно сгруппировать в следующие подгруппы:

+ **объем «phúc»:** топонимы «Diễn Phúc» (растекающаяся, разливающаяся счастье), «Phúc Chu» (всестороннее счастье), «Phúc Dinh» (полное счастье), «Phúc Hậu» (плотное, полное счастье), «Phúc Viên» (достаточное, полное счастье) дают ассоциацию «phúc» с неким полным, имеющимся в достатке, объектом;

+ **количество «phúc»:** сочетания с лексемами, указывающими на большое количество, например «Đa Phúc» (многочисленные блага) и «Vạn Phúc» (бесчисленное счастье), также говорят о «phúc» как чём-то, имеющемся в большом объеме;

+ **сочетание с цифрами «три» и «пять»:** топонимы «Tam Phúc» (три блага) и «Ngũ Phúc» (пять благ) являются апелляциями к популярным понятиям «ngũ phúc» (пяти базовых благ – богатство, почет, долголетие, здоровье, покой) и «tam đa» (трех базовых благ – счастье, богатство, долголетие), относящихся к конфуцианству;

– **Продолжительность «phúc»:** сочетания «phúc» с такими лексемами как «diên» в топониме «Diễn Phúc» (растягивающееся, долгое счастье), «vĩnh» в топонимах «Phước Vĩnh/ Vĩnh Phước» (вечное счастье) и «thường» в топониме «Phước Thường» (постоянное счастье) говорят о желании людей обладать долгим счастьем.

– **Ценность «phúc»:** топонимы «Bửu Phúc» (драгоценное счастье), «Cầm Phúc» (роскошное, изысканное счастье), «Ngọc Phước» (счастье ценное как самоцвет), «Kim Phước» (счастье ценное как золото), «Quý Phước» (дорогое, роскошное счастье) и «Phước Sang» (почетное, роскошное счастье) выражают ассоциацию «phúc» с дорогой вещью.

– **Эмоциональное окружение «phúc»:** топонимы, выражающие эмоции, которые вызывает «phúc», можно разделить на следующие подгруппы:

+ **покой:** топонимы «Phước An/ An Phước» (счастье в спокойствии), «Bình Phước/ Phước Bình» (ровное, безмятежное счастье), «Phước Ninh/ Ninh

Phước» (спокойное счастье), «Tuу Phước» (счастье в успокоении, умиротворении) говорят о чувствах покоя и благополучия, которые вызывает «phúc»;

+ **уважение, почтение:** топонимы «Linh Phước» (божественные, неземные блага), «Phước Long/ Long Phước» (величественное счастье), «Phước Nghiêм» (торжественное счастье), «Phước Thánh» (священное счастье), «Sùng Phước» (величественное счастье), «Phúc Tháng» (счастье всходит), «Thiên Phước» (счастье, одаримое небесами), «Thượng Phước» (высшее счастье), «Thуу Phước» (счастье, предвещанное заранее), «Tiên Phước» (божественное счастье) выражают ассоциацию «phúc» с неким неземной сущностью, вызывающей чувство уважения и ощущение торжественности;

+ **радость:** о чувстве радости, вызываемом концептом «phúc», говорят топонимы «Phước Khánh/ Khánh Phước» (счастье празднуется).

– **Место «phúc»:** следующая группа топонимов отражает ассоциации «phúc» с различными местами или положениями. Их можно разделить на три подгруппы:

+ **помещение:** топонимы «Cánh (Kiêng) Phước» (территория счастья), «Điện Phước» (храм счастья), «Phúc Đường» (зал/храм счастья), «Phước Gia» (счастливыи дом), «Phúc Trạch» (счастливое жилище), «Phúc Há» (счастливое жилище) выражают ассоциацию «phúc» с помещением, а именно с местом поклонения или с домом;

+ **направления «phúc»:** «phúc» ассоциируется с югом и востоком, что выражается в топонимах «Đông Phước/ Phước Đông» (счастье на востоке) и «Nam Phước/ Phước Nam» (счастье на юге). Восток, направление восхода солнца, считается символом начала и развития, а юг – символом расцвета жизни человека;

+ **символические места:** были выявлены топонимы, связывающие «phúc» с географическими объектами, обладающими символическим смыслом. Это топонимы «Phước Hải/ Hải Phước» (море счастья), «Phước Điền» (поле счастья) «Phước Hà» (река счастья), «Phước Lâm» (лес счастья) и «Phước Sơn/ Sơn Phước» (гора счастья). Море и гора – символы бесконечности и вечности.

Гора и лес считаются местами отшельничества, где человек может убежать от мирской суеты, обрести покой и прозрение. Вьетнам отличается обилием речных путей и водоемов, на берегах которых сосредоточены жилища людей. Река поэтому является символом родины и жизни. Что касается поля, для вьетнамцев поле является символом процветания и новой жизни;

– **Отношение между людьми и «phúc»:** такие топонимы как «Đồng Phước/ Phước Đồng» (равные доли счастья для всех), «Hiệp Phước/ Phước Hiệp» (счастье в объединении), «Hòa Phước/ Phước Hòa» (счастье в гармонии), «Hội Phước/ Phước Hội» (счастье, когда люди собираются), «Phước Thuận» (счастье в согласии) и «Tập Phước» (счастье, когда люди собираются) говорят о коллективном характере «phúc», о том, что это благо, существующее только при объединении и гармоничном отношении между людьми.

– **Действия «phúc»:** группа проанализированных топонимов выражает связь между «phúc» и различными действиями: «Hóa Phước» (счастье реализуется), «Phúc Hộ» (счастье бережет), «Phúc Hữu» (счастье есть), «Phúc Lại» (счастье приходит), «Phúc Lâm» (счастье прибывает), «Phước Lập» (счастье устанавливается), «Phúc Lưu» (счастье остается), «Phước Thành» (счастье завершится), «Phúc Tiến» (счастье в движении вперед), «Phước Ứng» (счастье откликнется). Данные «действия» «phúc» выражают желания людей о приходе и реализации счастья.

– **Связь «phúc» с материальными благами:** следующие топонимы выражают ассоциации «phúc» с различными благоприятными факторами: «Hung Phước/ Phước Hung» (счастье в процветании), «Phú Phước» (счастье в богатстве), «Phước Lộc» (счастье в преуспевании и богатстве), «Phước Lợi» (счастье в благах), «Phước Thịnh (Thành)/ Thịnh (Thành) Phước» (счастье в процветании), «Phúc Thọ» (счастье в долголетьи), «Phước Vinh» (счастье в славе).

– **Связь «phúc» с духовными ценностями** отражается в следующих топонимах: «Phước Nghĩa/ Nghĩa Phước» (счастье в благородстве), «Phước Chánh (Chính)» (счастье в честности и правильности характера), «Phước Công»

(старания по достижению счастья), «Phước Đức» (счастье в добродетели), «Phước Huệ» (счастье в прозрении), «Phước Lương» (счастье в доброте и порядочности), «Phước Lý» (счастье в правоте и справедливости), «Phước Năng» (счастье в способности, умении), «Phước Thiên» (счастье в созерцании), «Phước Tín» (благая, счастливая вера), «Phước Tình» (счастье в хороших чувствах к людям), «Phúc Trung/ Trung Phúc» (счастье в преданности).

Семантический анализ и когнитивная интерпретация значения топонимов, содержащих лексему «phúc/ phước», показывают, что в народном сознании вьетнамцев «phúc» является концептом с ярко выраженным позитивным значением. «Phúc» представляется как некий большой, светлый, красивый, приятный предмет. Хорошо, когда «phúc» имеется в большом объеме и длится долго, когда оно реализуется, приходит и остается. «Phúc» обладает большой ценностью, оно ассоциируется с драгоценными вещами. При этом «phúc» является ценностью коллективного характера. «Phúc» вызывает ощущение покоя, умиротворения, ему радуются. Одновременно «phúc» считается чем-то неземным, чудесным, вызывающим чувство почтения и ощущение величественности. «Phúc» связывают с различными материальными и духовными ценностями.

Сопоставление топонимов, содержащих имена концепта «счастье» на русском и вьетнамском языках, показывает, что на примерно равноценных блоках материалов (совокупности названий административно-территориальных единиц и названий религиозных объектов) количество вьетнамских топонимов, апеллирующих к концепту «счастье», заметно больше количества таковых на русском языке (435 вьетнамских и 83 русских). Кроме того, во вьетнамских топонимах наблюдается высокая лексическая сочетаемость лексемы «phúc». В отличие от вьетнамских аналогов, среди русских названий религиозных объектов не обнаруживается ни одного, апеллирующего к концепту «счастье». Это объясняется тем, что православные храмы обычно называют в честь какого-нибудь Святого или православного праздника. Можно заметить, что в топонимах двух языков довольно редко встречаются лексемы «счастье» и «hạnh phúc».

Наиболее частотным репрезентантом концепта «счастье» во вьетнамских топонимах является лексема «*phúc*», а в русских топонимах – лексема «благодать» (с ее производными).

Во второй части третьей главы дается описание реализации концепта «счастье» в современном слое картины мира русского и вьетнамского народов, отраженной в лексикографических источниках и ассоциативном поле его имен. Материалом для сопоставительного анализа послужили статьи из толковых, синонимических и антонимических словарей, примеры из текстов художественной литературы, а также данные русского ассоциативного словаря и результаты свободных ассоциативных экспериментов с вьетнамскими респондентами. Использованные лексикографические источники включили Словарь Академии российской (1822), Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, Толковый словарь русского языка Б.М. Воллина и Д.Н. Ушакова, Словарь русского языка в 4-х томах А. П. Евгеньевой, Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова, Словарь антонимов М.Р. Львова, РАС, толковые словари вьетнамского языка, словари вьетнамских китаизмов, словари вьетнамских синонимов и антонимов.

Сопоставление словарных дефиниций лексем «счастье», «*hạnh phúc*» и «*phúc*» показывает, что в семантике этих лексем можно обнаружить следующие общие семантические компоненты: «благо», «состояние внутреннего благополучия», «удача» и «максимальность». Семантический компонент «судьба» присутствовал в дефиниции лексемы «*hạnh phúc*» только в ранних лексикографических источниках. В современных словарях данный компонент не указывается. В современном словарном определении лексемы «*hạnh phúc*» отсутствует семантический компонент «удача», а значение «удача» у лексемы «*phúc*» отличается от значения «удача» у лексемы «счастье» масштабом. «*Phúc*» - это не любое благоприятное стечение обстоятельств, а обязательно большая удача, причина больших благ.

В обоих языках произошел переход от понятия счастья как блага или удачи к понятию счастья как состояния внутреннего благополучия. Однако данный переход произошел во вьетнамской лингвокультуре более поздно и резко.

Нами было проведено сопоставление эволюции развития концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках. Можно отметить следующие моменты в развитии значения русского концепта «счастье»:

– понимание счастья как «удачи» и «благополучия» существовало до XVIII в., а понимание счастья как «положительного душевного состояния» можно обнаружить в текстах XVIII в.;

– в народном сознании счастье понималось в большей степени как благополучная жизнь, полная благами и находящаяся под покровительством Бога. При этом в образовательных текстах, подвергавшихся влиянию философии Нового времени, отмечалась связь между счастьем и моральными качествами человека;

– в XIX-XX вв. (до окончания советского периода) можно найти свидетельства о связи концепта «счастье» с идеями о родине, России и борьбе за всеобщее благо. Данная связь не является характерной для современного российского общества.

Особенности эволюции значения концепта «счастье» во вьетнамском языке следующие:

– значения «удача» и «благо» представлены в лексеме «phúc», имеющей многовековую историю существования;

– значения «благополучие» и «положительное душевное состояние» представлены в лексеме «hạnh phúc», возникшей в конце XIX – начале XX вв. Появление лексемы «hạnh phúc» во вьетнамском языке отражало мировоззренческий переворот во вьетнамской культуре, когда в национальную культуру вошли элементы западной культуры, в особенности понятие о личности;

– в начале своего существования «hạnh phúc» понимали как счастье личности и возможность освободиться от старых устоев общества. В период

освободительных войн «hạnh phúc» чаще интерпретировали как удовлетворение элементарных потребностей.

Анализ синонимов лексем «счастье», «hạnh phúc» и «phúc» помог выявить некоторые различия в содержании концепта «счастье» в двух языках. Данные русских и вьетнамских синонимических словарей, а также анализ слов, сходных по значению с лексемами «счастье», «hạnh phúc» и «phúc», показывают, что лексема «счастье» входит в состав четырех синонимических рядов, обозначающих «интенсивное положительное эмоциональное состояние» (*блаженство, наслаждение*), «блага» (*благополучие, благоденствие, благодать, малина, благосостояние, нахес, вовремя, вовремянье, синяя птица*), «удача» (*удача, успех, победа, случай, везение, фарт, лафа, удачливость, пруха, талант*), «судьба» (*судьба, доля, участь, фортуна, предназначение*). Лексема «hạnh phúc» является членом синонимического ряда «радость». Это говорит о том, что в содержании концепта «hạnh phúc» доминирующим когнитивным признаком является эмоциональное сопровождение данного состояния. Синонимом лексемы «phúc» является лексема «taу» (удача).

Антонимы лексемы «счастье» включают такие слова, как «несчастье», «горе», «беда», «злосчастье» и др., обозначающие какое-нибудь неблагоприятное событие. Антоним лексемы «hạnh phúc», в свою очередь, представлен лексемой «bất hạnh» (несчастье, несчастный), также означающей неблагоприятное событие. Кроме того, антонимом «hạnh phúc» является лексема «đau khổ» (страдать, страдание), обозначающая переживание сильной моральной боли. Антоним лексемы «phúc» – «họa» (большая беда, то, что принесет несчастья).

Следующим блоком материалов в нашем анализе стало ассоциативное поле концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках.

Мы провели анализ и сопоставление данных русского ассоциативного словаря (реакции на слово-стимул «счастье») с результатами свободных

ассоциативных экспериментов (на слова-стимулы «hạnh phúc» и «phúc»), проведенных со студентами ханойских вузов разных профилей. Контингент испытуемых был подобран по образцу состава респондентов в Русском ассоциативном словаре. В эксперименте со стимулом «hạnh phúc» было опрошено 105 человек, со стимулом «phúc» – 129 человек. Это студенты первых трех курсов Ханойского Университета и Политехнического Университета Ханоя. Испытуемых попросили в течение пяти – семи секунд написать в анкете первую появившуюся ассоциацию со словом-стимулом «hạnh phúc» и «phúc».

В результате эксперимента со словом «hạnh phúc» было получено 46 вариантов реакций. В ходе второго эксперимента количество вариантов реакций на слово-стимул «phúc» составило 48. Согласно данным РАСа, на слово-стимул «счастье» количество опрошенных составляет 105 человек, количество вариантов реакций – 73.

Назовем три группы реакций совокупностями реакций (далее СР): СР №1 (на стимул «счастье»), СР №2 (на стимул «hạnh phúc») и СР №3 (на стимул «phúc»). Сопоставляя семантические классификации реакций в СР №1, СР №2 и СР №3, мы отметили следующие моменты:

– у трех СР выявляется группа реакций, описывающая положительные характеристики счастья. Однако данная группа в СР №1 более многочисленна, чем в двух остальных СР (31 реакция на стимул «счастье», 14 реакций на стимул «hạnh phúc» и всего 2 реакции на стимул «phúc»). Кроме того, все реакции данной группы в СР №2 и СР №3 описывают эмоциональное сопровождение счастья (радость), а в СР №1 преобладают реакции, дающие качественные характеристики концепта «счастье», его «размера» или «протяженности» (*прекрасно, огромное, безбрежное*) или выражающие оптимистичное отношение к счастью (*счастье недалеко, счастье есть, счастье придет* и т.д.). Крайне малое количество реакций на стимул «phúc», которые можно относить к семантической группе «положительные характеристики состояния счастья»,

говорит о том, что данный концепт не рассматривается как эмоциональное состояние;

– две реакции в СР №1, 10 реакций в СР №3 и 38 реакций в СР №2 относятся к семантической группе «семья». Заметно большее количество реакций на стимулы «hạnh phúc» и «phúc», входящих в группу «семья», говорит о более тесной связи этих концептов с концептом «семья»;

– Следующие группы реакций выявляются только в СР №1: «пессимистичный взгляд на счастье» (21 реакция), «я» (10 реакций) и «сопричастность к счастью» (7);

– С лексемой «phúc» (СР №3) чаще ассоциируют ее синоним «hạnh phúc» (была получена 41 реакция – лексема «hạnh phúc»). Кроме того, выделяются три группы реакций на стимул «phúc», которые являются специфичными для него. Это группы «три звездных старца», «моральные качества» и «большой возраст». Группа «моральные качества» еще раз подтверждает связь концепта «phúc» с понятием морального совершенствования, а группа «три звездных старца» говорит о тесной связи между концептом «phúc» и его материальным воплощением в народной культуре. Что касается группы «большой возраст», она говорит о том, что понятие «phúc» связано с оценкой результатов всего жизненного пути человека;

– представляет интерес меньшее разнообразие вариантов реакций в СР №2 и СР №3 по сравнению с СР №1. Это может говорить о том, что понятия «phúc» и «hạnh phúc» во вьетнамской аудитории более типизированы и получают меньше рефлексии у носителей культуры.

Таким образом, в результате анализа была выявлена более тесная связь между концептами «hạnh phúc» и «семья», показаны национально-специфические ассоциации с концептом «phúc», и еще раз подтверждена идея о «недоступности» русского концепта «счастье».

В четвертой главе диссертации проводится анализ образной и ценностной составляющих концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках.

Для выявления образных и метафорических интерпретаций концепта «счастье» и «*hạnh phúc*» мы обращались к поэтическим текстам на русском и вьетнамском языках. Можно заметить, что метафорические образы концептов «счастье» в русском языке и «*hạnh phúc*» во вьетнамском пересекаются. В поэтических текстах в обоих языках можно встретить скрытое сравнение счастья с человеком, с растением, со цветком, с птицей, с жидкостью, с хрупким материалом, со зданием или конструкцией.

Анализ русских поэтических текстов показывает более широкий диапазон метафорических и образных ассоциаций у русского концепта «счастье».

Что касается символики концепта «счастье» в русской и вьетнамской культурах, в русской культуре счастье часто связывают с образом птицы. По мнению исследователей, в русской культуре ласточки, голуби, ангелы (символ появления новой жизни) – вестники добра и счастья. Пришедший из западной Европы образ «синей птицы», символ неуловимого счастья, хорошо известен носителям русской культуры и используется в поэзии и музыке (песня «Птица счастья» (стихи Н. Добропорова, музыка А. Пахмутовой), песня «Синяя птица» группы «Машина времени»).

Во вьетнамской лингвокультуре можно найти символику концепта «*phúc*» в виде трех звездных старцев (*tam đấng*), в каллиграфическом изображении иероглифа «фу» (福). Данные материальные воплощения концепта «*phúc*» встречаются в повседневной жизни вьетнамцев.

Анализ содержания концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках привел нас к следующим выводам о ценностной составляющей этого концепта:

– что касается оценочности концепта, в обеих лингвокультурах концепт «счастье» получает положительную оценку. Его связывают с положительными эмоциями (радость, довольство, удовольствие), с такими ценностями как семья, родина, нравственность. В поэтических текстах и повседневной речи встречаются различные образы счастья, вызывающие положительные ассоциации;

– сопоставление содержания концепта «счастье» в двух языках показывает, что русской культуре более характерен фаталистический взгляд на счастье, что в определенной степени приводит к существованию негативных коннотаций к данному концепту. Во вьетнамской культуре данному концепту более присуща позитивная коннотация;

– часть вьетнамского концепта «счастье», представленная лексемой «phúc», является культурно-специфичной. В отличие от «hạnh phúc» «phúc» представляет собой важное для вьетнамской национальной картины мира понятие. Это объясняется его философско-нравственным содержанием. «Phúc» является мерилем не только благополучия, но и нравственного облика человека, его семьи и рода. Данный концепт вызывает в душе вьетнамца много возвышенных чувств, представление о преемственности поколений и желание самосовершенствоваться. Поэтому его можно причислить к числу ценностных доминант вьетнамской культуры.

В **Заключении** подведены итоги, представлены основные выводы, полученные в ходе диссертационного исследования.

Проведенное исследование реализации концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках позволяет сделать вывод о том, что в концепте «счастье», несмотря на его универсальность, выявляются национально-культурные специфики при сопоставительном анализе. Диахронический подход к анализу позволил нам проследить и сопоставить ход развития значения концепта «счастье» в русской и вьетнамской лингвокультурах. Обращение к разным блокам материалов дает возможность выявить различные когнитивные компоненты концепта. Ценностная составляющая концепта выявляется в результате анализа понятийной и образной составляющих.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Ле Минь Нгюк. Сопоставительный диахронический анализ концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках // Международный

8

аспирантский вестник (Русский язык за рубежом). – Москва, 2010. – № 1-2. – С. 43-46.

2. Ле Минь Нгок. Сопоставление синонимических рядов с концептами «СЧАСТЬЕ» и «HÀNH PHÚC» // Язык и ментальность: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Серия «Славянский мир». Вып. 5. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – С. 436-441.

3. Ле Минь Нгок. Репрезентация концепта «счастье» в русском и вьетнамском языках (на материале топонимов) // Русский язык за рубежом. – Москва, 2011. – №2. с. 79-86.